

ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Матузкова О.П.

Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова

Стаття присвячена опису передперекладацького аналізу тексту як першого етапу перекладацької стратегії. У результаті критичного осмислення і систематизації існуючих у перекладознавстві точок зору на проблему дослідження пропонується модель передперекладацького аналізу письмового тексту, яка має прикладний характер і включає шість основних параметрів. Мета статті полягає в описі виділених параметрів і обґрунтуванні послідовності її застосування.

Ключові слова: параметр, перекладознавство, перекладацька стратегія, письмовий текст, передперекладацький аналіз.

Статья посвящена описанию предпереводческого анализа текста как первого этапа переводческой стратегии. В результате критического осмысления и систематизации существующих в переводоведении точек зрения на проблему исследования предлагается модель предпереводческого анализа письменного текста, носящая прикладной характер и включающая шесть основных параметров. Цель статьи заключается в описании выделенных параметров и обосновании последовательности их применения.

Ключевые слова: параметр, переводоведение, переводческая стратегия, письменный текст, предпереводческий анализ.

The article focuses on the pretranslational written text analysis as the first stage of translation strategy. Critical and systematic approach to theoretical views on this issue in modern Translation Studies allows to work out a practical model of such analysis, which includes six main parameters. The article aims at describing their important characteristics and sequence.

Key words: parameter, pretranslational analysis, translation strategy, Translation Studies, written text.

Важность проведения предпереводческого анализа письменного текста (ПА), особенно на начальном этапе овладения навыками профессионального перевода, отмечается всеми, кто так или иначе рассматривает проблемы теории, практики и методики преподавания перевода (И. Алексеева, В. Комиссаров, Л. Латышев, А. Федоров, А. Чердиченко, В. Hatim, I. Mason, P. Newmark и многие другие). Основная задача такого анализа заключается в определении значимых характеристик исходного текста (ИТ) и выработке предпереводческой стратегии, то есть порядка и сути действий при его переводе. В зависимости от таких характеристик и их выдвижения в каждом конкретном случае переводчик выбирает доминанты перевода, то, к чему он должен стремиться и чего должен избегать. Именно в процессе предпереводческого анализа ИТ вырабатываются такие навыки будущих переводчиков, как умение видеть различающиеся типы содержания текста и выделять наиболее важные (функционально нагруженные) его элементы, подлежащие воспроизведению в переводе, либо те, которые можно видоизменить, заменить, опустить [5; 6; 9].

Несмотря на единогласное признание эффективности ПА в процессе перевода, современное переводоведение так и не выработало единой концепции основных параметров ПА и их иерархии. Разные ученые по-своему трактуют виды или параметры, или ступени ПА, располагая их в различной последовательности (И. Алексеева, А. Зайцев, В. Комиссаров, Л. Латышев и А. Семенов, Е. Матузкова, P. Newmark, К. Райс и другие). В российском переводоведении

наиболее терминологически четкой и обоснованной с точки зрения теории и “работающей” с точки зрения практики перевода нам представляется классификация И. С. Алексеевой [1, с. 326-330]. Ученая выделяет 5 основных аспектов ПА:

1. сбор внешних сведений о тексте (автор текста, время создания и публикации текста, из какого глобального текста взят данный текст);
2. определение источника и реципиента;
3. состав информации (когнитивная, оперативная, эмоциональная, эстетическая) и ее плотность;
4. коммуникативное задание;
5. речевой жанр.

В современном зарубежном переводоведении заслуживает внимания концепция автора многочисленных трудов по теории перевода Питера Ньюмарка. Будучи переводчиком-практиком и проработав долгое время профессором Суррейского университета в Великобритании, он советует начинающим и профессиональным переводчикам обращать внимание на:

1. цель текста (отношение автора к теме сообщения);
2. цель переводчика;
3. текстовые стили (по Ю. Найде);
4. кому предназначены ИТ и текст перевода (ПТ);
5. стили языка;
6. время и место публикации текста;
7. денотативный, коннотативный и культурный аспекты текста [15, с. 11-17].

Критическое осмысление существующих подходов к изучению всех аспектов / параметров / ступеней ПА и их иерархию позволило нам выработать собственную концепцию ПА, носящую прикладной характер. **Цель** настоящей статьи заключается в описании выделенных нами параметров ПА и обосновании последовательности их применения.

Итак, основываясь на анализе теоретических источников по проблеме исследования, собственном переводческом и преподавательском опыте и стремлении доступно изложить сложные теоретические постулаты начинающим студентам-переводчикам, предлагаем проводить ПА письменного текста по следующим параметрам и в таком порядке:

1. функционально-стилевая принадлежность текста и его речевой жанр;
2. тип текста;
3. цель перевода;
4. характер читательской аудитории;
5. время и место создания и публикации текста;
6. автор текста.

Рассмотрим каждый из параметров детально и по-порядку.

Главенствующее положение в нашей условной иерархии составляющих предпереводческого анализа отводится функциональному стилю и речевому жанру текста. И это не случайно. Как отмечают некоторые исследователи (М. Брандес, Л. Латышев, В. Провоторов, А. Федоров и другие), ПА должен начинаться именно с этого параметра, поскольку специфику языка и текста обуславливает не фактуальное содержание, а речевой жанр и функциональный стиль [2, с. 3], и задача перевода остается стилистической задачей при любой разновидности переводимого материала [8, с. 54]. Она состоит в таком отборе лексики и грамматического материала, который определяется как общей целенаправленностью подлинника и его жанровой принадлежностью, так и соблюдением тех норм, какие существуют для соответствующей разновидности текстов в языке перевода [там же, с. 54, 272].

В рамках функциональных стилей выделяются отдельные речевые жанры как устойчивые типовые формы текста. В наиболее общем виде все стили и жанры подразделяются на (по классификации М. П. Брандес и В. И. Провоторова [2]):

- официально-деловой функциональный стиль (постановления, указы, законы, договоры, судебно-процессуальные документы, торгово-коммерческие соглашения и корреспонденция, реклама, проспект, инструкция, аннотация);
- научно-технический функциональный стиль (монография, научная статья, научный доклад, учебник, справочник, энциклопедия и т. д.);
- газетно-публицистический функциональный стиль (заметка, сообщение, интервью, статья, хроника, очерк, репортаж, эссе, памфлет, фельетон и т. д.);
- литературно-художественный функциональный стиль (художественная проза и поэзия).

Границы стилей и жанров не всегда четки, но в каждом из них необходимо выделить жанровую доминанту, которая в большей степени будет присутствовать в отдельном конкретном тексте и определять доминанту его перевода.

Функционально-стилевые особенности варьируются от языка к языку. В испанской газетно-публицистической статье или очерке, например, традиционно используется больше экспрессивных средств, чем в английских, немецких или даже русских статьях. Поэтому, если передать всю эту экспрессию в переводе, у англичанина или немца, которые привыкли к другим стандартам, может возникнуть негативное впечатление и недоверие к прочитанному переведённому тексту. И, наоборот, испанец, прочитав английскую статью, посчитает её язык неярким, пресным и нудным [16, с. 139]. Именно поэтому в подобных случаях вносятся поправки с помощью соответствующих приёмов, но только мотивированные, оправданные целью перевода. Однако зачастую расхождения не могут быть нейтрализованы в переводе, поскольку для этого требуются преобразования, недопустимые в переводческой практике. Так, например, английские статьи чаще, чем наши, строятся по принципу “от общего к частному”, в то время как наши – чаще по принципу “от частного к общему”. Понятно, что переводчик в данном случае не имеет права адаптировать текст статьи в переводе в угоду национальным языковым особенностям исходного текста.

В современном переводоведении до сих пор ведутся дискуссии о том, следует ли равняться на стиль ИТ или ПТ. И до сих пор однозначного ответа на этот вопрос нет. Поэтому в процессе перевода также важно учитывать и назначение перевода, о чем пойдет речь в дальнейшем.

Впрочем, отметим, что основные черты речевых жанров, как правило, совпадают в английском и русском языках, и поэтому выделенная жанровая доминанта исходного текста будет работать и в переводном тексте при условии, конечно, её адекватной передачи. Однако следует помнить, что английский текст любого жанра более динамичен и менее официален, терминологичен, чем аналогичный русский текст.

А. Д. Швейцер приводит интересный в этом плане пример перевода предложений: *Он видел страну в тисках блокады. Он узнал о голоде и тяготах, выпавших на долю людей.* Вариант переводчика: *He saw the country in the clutches of the blockade. He learned of the famine and hardships that had befallen the people.* Специфически книжные приподнятые выражения русского газетно-публицистического текста *в тисках блокады, выпавшие на долю людей* переданы в переводе с помощью выражений, имеющих сходную стилистическую окраску. Редактор перевода заменил их оборотами в равной мере экспрессивными, но в то же время лишенными специфической приподнятости и книжности. Кроме того, редактор снял торжественный синтаксический повтор (*He saw..., He learned ...*), объединив эти два предложения в одно. Вариант редактора: *He saw the country being strangled by the blockade, the famine and hardships the people were suffering* [10, с. 30-31].

Необходимость учета следующего параметра ПА – типа текста – является аксиомой современной теории перевода. Однако спорными на сегодняшний день остаются вопросы о критериях выделения таких типов, их соотношения с жанрами и типами дискурса. Существующие расхождения, в свою очередь, обусловлены нерешенностью более “глобальных” проблем –

определения типов коммуникации, сообщения, дискурса и т. п. (См. об этом подробнее [13]). Отсюда – разнообразие типов текста, существующих в переводоведении. Так, Я. И. Рецкер [7] предлагает рассматривать официальные, газетно-публицистические и художественные тексты. А. В. Федоров разбивает все тексты на 1) газетно-информационные, документальные и специально-научные; 2) произведения публицистические и 3) произведения художественной литературы [8, с. 274]. Как видно, критерий таких классификаций – явно стилистический в широком смысле этого слова.

В зарубежном переводоведении при выделении типов текстов принято отталкиваться от видов содержательной информации, заложенной в тексте, и его функциональной направленности (О. Каде, А. Нойберт, К. Райс, В. Вилс и другие). Так, К. Райс в целях предпереводческого анализа делит все тексты на информативные, оперативные и экспрессивные [17, с. 163]. При этом критерии разделения у К. Райс достаточно туманны и размыты, да и сама она, признавая неопределенность этих критериев, характеризует свою классификацию как *a rough grid*, что мы бы перевели как *набросок сетки координат*.

В современном российском переводоведении заслуживает внимания классификация типов текста И. С. Алексеевой [1]. Согласно ее точке зрения, определяющим для типа текста является вид информации (когнитивная, эмоциональная, эстетическая), которая имеет свои средства языкового оформления. Тексты, где доминирует когнитивная, познавательная информация, условно выделяются в группу информационно-терминологических. Тексты, где содержатся приблизительно равные доли когнитивной и эмоциональной информации или где эмоциональная информация преобладает, называются информационно-эмоциональными. Наконец, в третью группу – художественных текстов – автор объединяет тексты, где доминирует эстетическая информация [1, с. 151-155]. В классификации также приводятся средства языкового выражения каждого из видов информации и соответственно типа текста. На основании этого определяется доминанта перевода для каждого из типов текстов.

Классификацию типов текстов И. С. Алексеевой считаем оптимальной и в несколько измененном варианте предлагаем ее использовать в ПА. Согласно этому варианту все тексты можно условно разделить на три типа: информационные, информационно-эмоциональные и художественные. Особенности каждого из этих типов будут определять доминанту перевода.

Основная функция информационных текстов (научные, технические, учебные, юридические и т. д.) – сообщение каких-то сведений, и поэтому главная задача переводчика состоит в том, чтобы как можно точнее и понятнее воспроизвести содержание исходного сообщения. Для таких текстов характерно широкое использование терминов, которые отличаются однозначностью, нейтральной окраской, относительной независимостью от контекста, и слов в их прямом значении. И поэтому перевод таких текстов осуществляется, как правило, на уровне словарных соответствий.

Передача эмоциональной информации в информационно-эмоциональных текстах (газетно-журнальные, мемуары, рекламные и т.д.) потребует от переводчика умения не только пользоваться словарём, но и принимать индивидуальные решения, основываясь на знании переводческих приёмов.

В художественных текстах доминирует эстетическая информация, и главное для переводчика – сохранить художественные достоинства оригинала, его эмоционально-эстетическое воздействие. Ради достижения этой главной цели переводчик более свободен в выборе средств, жертвуя отдельными деталями переводимого текста.

Конечно, деление на такие типы носит прикладной характер, поскольку “чистых” текстов практически не бывает. Но для начинающего переводчика важно уяснить, что тип текста и информация, заложенная в нем, указывают на основную функцию оригинала, которая должна быть воспроизведена в переводе, и влияют на выбор языковых средств в процессе перевода.

Следующий параметр – цель перевода – непосредственно связан с предыдущим и также играет важную роль в ПА. В.Н.Комиссаров [3] отмечает, что стратегия переводчика при решении конкретных задач, в первую очередь, зависит от определения цели перевода и условий его воплощения. Переводчик должен четко представлять для чего он переводит, какую задачу будет выполнять создаваемый им текст, как и кем этот текст будет использован. На основе таких данных переводчик решает, будет ли он делать перевод или какой-либо другой вид языкового посредничества, а если перевод – то черновой или готовый к опубликованию (адекватный). В соответствии с этими решениями он будет выбирать и способы передачи исходного сообщения [3, с. 357].

В переводоведении понятие “цель перевода” и соотнесенное с ним понятие “тип перевода” встречаются в теориях, которые трактуют перевод как особый вид коммуникативной деятельности (Р. Белл, В. Комиссаров, З. Львовская, Ю. Найда, Т. Сэвори, А. Швейцер, Х. Шмидт и многие другие). Понятие цели важно для дидактики перевода – через формирование у студентов переводческой компетенции. Цель и тип перевода в самом общем толковании – одно и то же явление, которое рассматривается с разных точек зрения. Согласно теории Хайде Шмидт [11], тип перевода соответствует ретроспективной точке зрения – готовый перевод представляет собой определенный тип. А с проспективной точки зрения, выбор цели перевода состоит в определении намеченного типа создаваемого перевода [11, с. 63-64]. Так как для дидактики перевода важен в первую очередь проспективный взгляд, в предпереводческом анализе уместно употребление термина “цель перевода”.

Определение целей перевода является одной из самых дискутируемых проблем переводоведения. Здесь можно выделить два главных направления: определение цели перевода на основе смысла текста (А. Швейцер, Г. Егер, Дж. Кэтфорд, Ю. Найда и др.) и определение цели перевода на основе функции текста (Ю. Ванников, Х. Фермеер, К. Райс, Х. Шмидт и др.). Каждый из этих векторов научной мысли имеет свои достоинства и недостатки. Первый из описанных, доминировавший в 60-70-х годах прошлого столетия, целью перевода ставил сохранение содержания и стиля исходного текста в переводе, и главное внимание в нем уделялось детальному и полному описанию этого инварианта. С семидесятых годов этот подход существенно видоизменился в сторону коммуникативно-лингвистической экспликации инварианта перевода (В. Комиссаров, О. Каде, Г. Егер и другие). Доминирующий сегодня функциональный подход различает две основные цели перевода: а) достижение константности функции; б) варьирование функции перевода по сравнению с оригиналом. Однако многие положения этого подхода все еще нуждаются в уточнении, в том числе толкование самого понятия “функция” и понятия “доминирующая функция” (можно ли вообще свести функциональную полифоничность текста к какой-то одной функции?).

Рамки данной статьи не позволяют подробно остановиться на более детальном анализе существующих точек зрения на цели (типы) перевода. Если говорить о прикладном аспекте этого параметра и стремлении научить студентов использовать предпереводческий анализ на практике, то исходным постулатом считаем следующий: потребность в переводе обусловлена специфическим интересом к информации ИТ, детерминированной ситуацией, в которой потребитель хочет использовать перевод. Этот интерес определяет необходимость сохранения или видоизменения общего содержания текста или определенного его параметра, а также необходимость сохранения доминирующей функции текста или отказа от нее.

В каждом конкретном переводе переводчик может преследовать одну или несколько целей, каждая из которых будет определять степень сохранения, видоизменения информации ИТ или отказа от нее. Для достижения разных целей переводчик может вносить существенные изменения в текст перевода, преобразуя форму и содержание исходного текста (реферативное, аннотационное изложение или пересказ). При таком преобразующем переводе оригинал

подвергается информационной обработке с целью отсева ненужной информации или конденсации информации с определенной точки зрения или преобразований более сложного характера. Самая частотная сфера применения преобразующего перевода – научно-техническая информация.

Переводчик также может в определенной степени отклоняться от оригинала, сохраняя его смысл, но варьируя стилистическую оформленность (информативный перевод, подстрочный перевод стихотворений). Или же максимально точно сохранять все параметры исходного текста (тотальный перевод или “собственно” перевод).

Следующий параметр ПА также неразрывно связан с предыдущими. Важность учета читательской аудитории отмечается многими исследователями и практиками перевода (А. Алексеева, Л. Вентути, В. Комиссаров, Ю. Найда, П. Ньюмарк, Д. Робинсон, З. Блум-Кулка, У. Эко и др.). Так, Юджин Найда указывает на три основных фактора, влияющих на перевод: 1) характер сообщения; 2) цель или цели автора и переводчика и 3) тип аудитории [16, с. 127]. В зависимости от уровня декодирования информации (*decoding ability*) ученый выделяет четыре главных типа аудитории: дети; аудитория, получающая образование; образованное взрослое население и специалисты. Еще в большей степени потенциальная аудитория различается и по степени заинтересованности. Например, перевод африканских мифов, выполненный для широкой читательской аудитории, которая интересуется жизнью туземцев, будет значительно отличаться от перевода, выполненного для этнографов-африканистов и даже для лингвистов, которые больше заинтересованы в изучении не только культурных особенностей, но и особых лингвистических структур оригинального текста [16, с. 128-129].

В целом теория динамической эквивалентности, предложенная Ю. Найдой, знаменовала переход от старых теорий формальных соответствий, ориентированных на ИТ, к новому лингво-прагматическому подходу, ориентированному на реакцию реципиента перевода. В свете этого нового подхода адекватность перевода считалась достигнутой только с учетом особенностей восприятия языка перевода читательской аудиторией. Так, Питер Ньюмарк также советует при выборе переводческой стратегии обращать внимание на характер читательской аудитории (*readership*) и степень ее мотивации. Отсюда – выделение трех типов читателя: читатель-эксперт, образованный читатель и неинформированный читатель (*expert, educated layman, uninformed*). Причем переводчику следует сначала определить читательскую аудиторию оригинального текста и потом уже – переводного, чтобы выяснить, переводит ли он для такого же типа читательской аудитории или же для читателя менее знакомого с исходной темой и культурой и с более низким уровнем лингвистической компетенции [15, с. 13-15].

Итак, в процессе ПА крайне важно обращать внимание на то, кому предназначен текст. На основании анализа особенностей языкового выражения текста оригинала переводчик стремится охарактеризовать читательскую аудиторию оригинала и затем перевода, чтобы решить, в какой мере ему следует ориентироваться на получателя перевода. Перевод может быть предназначен детям, группе специалистов, членам политических организаций, коммерческим фирмам и т. д. Переводчик учитывает их опыт, знания, взгляды и оценки, возраст, социальный и профессиональный статус и выбирает соответствующее языковое оформление перевода: более или менее специальную терминологию, более разговорную или более книжную лексику, пересчитывает или оставляет без изменения единицы измерения. Например, если текст написан для детей, переводчик обязательно сохраняет простой синтаксис, понятные детям слова, яркую образность. При переводе обычных, бытовых инструкций, предназначенных широкому кругу населения, переводчик сохраняет общепотребительную лексику, при переводе же технических инструкций, предназначенных узкой группе специалистов, – специальную и терминологическую лексику.

Как правило, тексты для перевода (особенно на начальном этапе обучения) не имеют точного адресата и ориентированы на образованную читательскую аудиторию, представителей среднего класса. В таких текстах отсутствуют узкоспециальные и диалектные слова, сохраняется

письменная литературная норма, а также нейтральный и разговорный (но не разговорно-просторечный) стили языка. Последнее очень важно, поскольку значительная часть типичных ошибок студентов при переводе того или иного высказывания связана именно с неверным выбором соответствующей лексики. И если переводы британских студентов, как отмечает П. Ньюмарк, имеют тенденцию к снижению стиля, к использованию более разговорно-фамильярного стиля [15, с. 13], то переводы наших студентов, наоборот, пестрят словами и выражениями книжного стиля с использованием высокой и официальной лексики: *decease* вместо *death*, *venerable guru* вместо *mature guru*, *honorable/meritable motive* вместо *praiseworthy motive*, *purchase* вместо *buy*, *thus* вместо *so*, *require* вместо *need* и т. д. Такие переводизмы представляют студента-переводчика, а не получателя перевода и выражают уровень знаний и культуру первого, что естественно, скажется на восприятии текста последним.

Следующий параметр ПА – время и место создания и публикации текста – важно учитывать в том случае, если текст относится к другой эпохе, т. е. характеризуется значительной степенью временной отдалённости. При переводе таких текстов переводчики ограничивают употребление современных слов и фразеологических оборотов и прибегают к архаизации – устаревшим словам и синтаксическим конструкциям (инверсия и т. д.).

Применение архаизмов в лучших отечественных переводах литературы прошлого имело более глубокие основания, чем просто стремление создать эффект “старинности”. Так, в переводе “Дон Кихота” Сервантеса Н. М. Любимов довольно широко использует архаические средства, оттеняя образ Ламанчского рыцаря как человека, внутренне живущего в фантастическом старомодном мире рыцарских романов и противостоящего прозе современной действительности; этим оттеняется и контраст с просторечием, пословицами, поговорками в репликах Санчо [8, с. 392].

Одним из самых удачных примеров воссоздания исторического колорита оригинала по праву считается русский перевод Е. Костюкович романа “Имя розы” У. Эко. Автор романа, известный итальянский писатель и лингвист, использует целую палитру экстралингвистических и лингвистических средств, которые создают атмосферу Средневековья. Действие этого исторического детектива разворачивается в средневековом аббатстве, и автор часто вводит в повествование латинские цитаты с тем, чтобы воссоздать не только обстановку того времени, но и его язык. Однако, если у западного читателя латынь, что называется, на слуху, то русскому читателю эти латинские фразы и заголовки, транслитерированные кириллицей, вряд ли что-то скажут. Тем более что для нашего читателя латынь не связывается ни со Средневековьем, ни с церковной средой. Поэтому переводчица предложила вместо латыни использовать церковнославянский, язык средневековой Православной церкви. Благодаря этому читатель мог испытать то же чувство временной удалённости, проникнуться той же атмосферой религиозности, понимая при этом, о чём идёт речь.

В то же время в издании, предназначенном для американского читателя, переводчик У. Уивер, с согласия автора, кое-где сократил слишком длинные цитаты, вставив в них парафразы по-английски. Американский издатель побоялся, что многие латинские слова окажутся непонятными его читателям. Благодаря такой модернизации, как пишет сам У. Эко, некоторые пассажи стали читаться легче, а дух оригинала предан не был [12, с. 226-227].

Вообще, оппозиция “модернизация / архаизация” является камнем преткновения для переводчиков еще с древнейших времен. Соответственно, не утихают споры о путях решения этой проблемы и в переводоведении (Н. Галь, В. Комиссаров, Я. Рецкер, А. Федоров, У. Эко, В. Сдобников, J. Borges, J. y Gasset, G. Steiner, G. Toury, L. Venuti и мн. другие). Выделяемые этими и другими исследователями принципы, применяемые при переводе отдаленных по времени произведений, можно свести к четырем основным: 1) архаизация; 2) модернизация; 3) нейтрализация исторической окраски; 4) то или иное сочетание этих принципов. Проблема заключается в том, какому из них отдать предпочтение, в каких случаях и на каких основаниях.

У. Эко в книге “Сказать почти то же самое. Опыты о переводе” приводит удачные и неудачные в этом смысле примеры перевода и делает заключение о возможностях выбора. Имея в виду оппозицию модернизация/архаизация, он рассматривает разные переводы библейской книги, озаглавленной “Экклесиаст”. В оригинале она называется “Когелет”, и толкователи не пришли к единому мнению о значении этого слова. “Когелет” может быть именем собственным, но это слово также отсылает к этимону *кагал*, означающему “собрание”. Так что “Когелет” может быть тем, кто проповедует в собрании верующих. Поскольку по-гречески собрание называется *эκκλησία*, “Экклесиаст” может оказаться адекватным переводом. Рассматривая 9 различных во времени переводов “Экклесиаста”, У. Эко показывает, как разные переводчики либо пытаются сделать эту фигуру доступной для адресатов текста, либо стремятся подвести их к пониманию еврейского мира, в котором жил Экклесиаст.

Вульгата, перевод Библии на латинский язык, испытавшая на себе влияние греческого перевода (Септуагинты), учитывает, что читатели той поры знали: “эκκλησία” означает собрание. Поэтому и переводной вариант – *Ecclesiastes*. Этот же вариант используется и в Синодальном переводе на русский – *Экклесиаст*. Напротив, “протестантские” версии “Короля Иакова” и Лютера модернизируют текст и говорят о Проповеднике – *Preacher, Predigter*. Современный итальянский переводчик Гальбьятти, автор ориентированного на католическую аудиторию авторизованного перевода, стремится ввести читателя в еврейский мир и выбирает *Kohélet* в качестве соответствия. Следующие четыре перевода на итальянский (Chouaqui, De Luca, Seronetti 1970, Seronetti 2001) также стремятся воссоздать поэтическую атмосферу семитского текста. По своим намерениям они, как указывает У. Эко, явно архаизирующие и гебраизирующие, отсюда и выбор переводного соответствия – *Qohélet* [12, с. 217-221].

Анализируя эти и другие переводы, У. Эко приходит к выводу, что в плане возможных решений переводчика слишком строгие дихотомии между переводами, ориентированными на цель или источник, необходимо снимать, дабы образовалось некое множество решений, о которых нужно всякий раз договариваться [12, с. 228]. Иными словами, однозначного и определенного ответа нет. Для современных текстов критерий выбора ориентации – на источник или адресат – должен быть более гибким и подлежащим обсуждению от фразы к фразе. И здесь многое зависит от профессионализма самого переводчика, его умения увидеть, понять и в каждом конкретном случае верно передать стилистическую окраску подлинника, основываясь на личном опыте, знаниях, языковой и культурной “чуткости”. Так, в романе “Имя розы” упоминается растение *Opobalsami* (*опобальзам*). По-английски это должно быть *balsams of Peru* (*перуанский бальзам*), но средневековые люди о Перу не знали. Поэтому У. Уивер в переводе романа на английский язык выбрал вариант *Mecca Balsam* (*Меккский бальзам*). А вот французский переводчик, поддавшись языковому автоматизму, передал это именно как *baumes du Perou*.

Наряду со временем создания оригинального текста, не менее важно учитывать и место, к которому относится высказывание в оригинале. Приведём пример из книги Я. И. Рецкера “Теория перевода и переводческая практика”: “Предложение из книги Ф. Алена “Только вера” *The interurban trolley perished, or survived only as a pathetic anachronism* может быть правильно переведено только с учётом страны, к которой оно относится. В Англии *trolley* означало бы *троллейбус*, но в США троллейбусов не было и нет, и *trolley* значит *трамвай*” [7, с. 37].

Перейдем к рассмотрению последнего в нашей классификации параметра ПА – автор текста. В подавляющем большинстве нехудожественных, т. н. “анонимных” текстов, в которых само сообщение стоит на первом месте, и не важно, кто именно их написал (инструкции, аннотации, патенты, отчёты, протоколы встреч, законодательные, рекламные, газетные, пропагандистские тексты и т. д.), автор не указывается, либо его имя приводится только для того, чтобы закрепить ответственность за информацию. В таких текстах, как правило,

значимые языковые характеристики определяются законами жанра и типа текста, и от автора здесь мало что зависит. При переводе таких текстов параметр “автор / источник текста” является не столь существенным и, как правило, практически не учитывается при выработке переводческой стратегии.

Другое дело – художественные и публицистические, а также некоторые мемуарные и научно-популярные тексты, где автор творчески подходит к выбору языковых средств, и степень проявления черт индивидуально-авторского стиля достаточно высока, что и необходимо учитывать в переводе.

В. А. Кухаренко в своей статье “О возможности сохранения стиля автора в переводе” высказывает, по нашему мнению, очень важную, “программную” для выработки переводческой стратегии указанных текстов, сентенцию. Автор многочисленных трудов по индивидуально-авторскому стилю обращает внимание переводчиков на то, что индивидуальность стиля имеет два аспекта: качественный, базирующийся на личностном и уникальном для каждого автора характере речемыслительной деятельности, и количественный, основанный на предпочтительном использовании определённых смыслов (значений) и структур [4, с. 164].

Поэтому мастерство переводчика состоит в том, чтобы увидеть и передать “количество” и, таким образом, сохранить “качество” оригинала в переводе. Яркий пример, иллюстрирующий этот тезис, приводит известная переводчица и редактор художественной литературы Р. Райт-Ковалева, рассказывая о том, как переводилась трилогия У. Фолкнера “Шум и ярость”. В первой книге трилогии “Деревушка” впервые появляется героиня всей трилогии Юла Уорнер. Она ещё ребёнок, рано созревшая девочка, ленивая, пассивная, медлительная. Переводчики романа сначала упустили, что в этой девочке уже дремлет будущая “Елена Прекрасная” – неотразимое воплощение вечной женственности, почти языческое божество. Из-за этой забывчивости лексика была взята более сниженная, и образ будущей “Елены” упрощён и огрублён. После обсуждения портрета Юлы во всех деталях, появилась другая интонация, другой ряд слов: губы стали не “толстые”, а “пухлые”, походка не “ленивая”, а “с ленцой” и кожа не “бесцветная”, а “матовая”. И это не были переводческие “вольности”. Ведь по-английски *husky voice* может относиться и к пьяному матросу (тогда это хриплый голос), и к неземной красавице – тогда голос может стать, смотря по контексту, грудным или сдавленным, глухим, придушенным и даже невнятным. И оттого, что талантливые переводчики по совету редактора увидели эту неулыбчивую, медлительную и спокойную красавицу именно так, как видел её Фолкнер, отбор слов пошёл по другому руслу, и Юла посмотрела на мир волооком взглядом, а не “коровьими” глазами” (цитируется по [5, с. 159-160]).

Таковы основные составляющие ПА, который является первым этапом процесса перевода и учит переводчика критически относиться к своим последующим действиям. Результатом такого анализа должен стать не интуитивный, а вполне осознанный и оправданный выбор доминанты перевода значимых элементов ИТ и, соответственно, более точное их воспроизведение в тексте перевода.

Литература

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. – 353 с.
2. Брандес М. П. Предпереводческий анализ текста / М. П. Брандес, В. И. Провоторов. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2003. – 224 с.
3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
4. Кухаренко В. А. О возможности сохранения индивидуального стиля автора оригинала в переводе / В. А. Кухаренко // Перевод и коммуникация. – М.: ИЯз РАН, 1996. – С. 160-169.
5. Латышев Л. К. Перевод: теория, практика и методика преподавания / Л. К. Латышев, А. Л. Семенов. – М.: “Академия”, 2003. – 192 с.

6. Матузкова Е. П. Основные параметры предпереводческого анализа текста / Е. П. Матузкова // "Нова Філологія": Збірник наукових праць. – Запоріжжя: ЗНУ, 2009. – № 34. – С. 294 – 299.
7. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика / [дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича] / Я. И. Рецкер. – М.: Р. Валент, 2004. – 240 с.
8. Федоров А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Федоров. – СПб: Филология Три, 2002. – 414 с.
9. Чередниченко О. І. Про мову і переклад / О. І. Чередниченко. – К.: Либідь, 2007. – 248 с.
10. Швейцер А. Д. Буквальный перевод и интерференция / А. Д. Швейцер // Перевод и коммуникация. – М.: ИЯз РАН, 1996. – С. 22-34.
11. Шмидт Х. Основные цели перевода / Х. Шмидт // Перевод и коммуникация. – М.: ИЯз РАН, 1996. – С. 22-34.
12. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / [пер. с итал. А. Н. Коваля] / У. Эко. – СПб: Симпозиум, 2006. – 574 с.
13. Hatim B. Discourse and the Translation / B. Hatim, I. Mason. – Longman, 1997. – 258 p.
14. Holmes J. S. The name and nature of translation studies / James S. Holmes // The Translation Studies Reader. – London and New York: Routledge, 2005. – С. 172-185.
15. Newmark P. A Textbook of Translation / P. Newmark. – Longman, 2006. – 290 p.
16. Nida E. Principles of Correspondence / E. Nida // The Translation Studies Reader. – London and New York: Routledge, 2005. – P. 126-140.
17. Reiss K. Type, kind and individuality of text: decision making in translation / K. Reiss // The Translation Studies Reader. – London and New York: Routledge, 2005. – P. 160-171.